

П Р И Б А В Л Е Н І Я КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(Годъ четырнадцатый).

МАЯ 15. № 10. 1878 ГОДА.

П О У Ч Е Н І Е

при гробѣ Тайнаго Совѣтника Павла Дми-
тріевича Пузыревскаго.

При семъ печальномъ событіи, при семъ поразительномъ зрѣлицѣ гроба, вмѣщающемъ въ себѣ останки замѣчательнаго по жизни, дѣятельности и отношенію къ людямъ мужа, вѣнчанаго отъ вѣхъ знавшихъ его именемъ честнаго и правдиваго человѣка, маститаго старостію, украшеннаго отличіями на поприщѣ служенія престолу и отечеству, соединявшаго въ себѣ нѣкогда и достоинства хорошаго, незабвеннаго для памяти его сослуживцевъ начальника, и доблести отца семейства, добраго супруга, друга общества, пелестнаго совѣтника для всѣхъ непрерывно пользовавшихся его свѣтами,—что мнѣ сказать, отъ избытка горестнаго о сердца, какъ не слова святой истины: *единъ Богъ великъ, неизмѣненъ, вѣченъ, а человекъ, яко трава, днѣ его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтеть: яко духъ пройде въ немъ, и не будетъ, и не познаеть ктому мѣста своего* (Псал. 102. 15, 16).

Да, слушъ, давно ли мы видѣли это лице, сіявшее крото-

стію и добротою, привлекавшее всѣхъ, по извѣстной симпатіи къ людямъ съ открытою душою и любвеобильнымъ сердцемъ? И вотъ оно уже померкло, запечатлѣно страшною печатію смерти.

Давно-ли вы—присные почившему—съ любовію бесѣдовали съ нимъ, поучались его практической мудрости, жили подъ кровомъ его отеческой заботливости? И вотъ уста его безмолвствуютъ, сердце его болѣе не бьется для радостныхъ чувствованій, чувствованій отца и супруга.

Давно-ли вы, знавшіе и любившіе почившаго, собирались въ его домъ, всегда открытый для людей сродныхъ ему по мыслямъ и желаніямъ, воодушевлялись его словами, мудрыми совѣтами, въ его стремленіяхъ находили цѣль своихъ стремлений, жили, по взглядамъ, одною жизнію, одною душою? И вотъ не слышимъ его слова: оно сокрыто для насъ во гробѣ.

Еще не много прошло лѣтъ, еще живы впечатлѣнія прожитыхъ годовъ, для васъ — сослуживцы, когда и въ цвѣтущее время его жизни, и въ пору слабости тѣлесныхъ силъ, онъ, одинаково ревностно и неутомимо, подвизался на поприщѣ государственной дѣятельности и въ этомъ случаѣ показалъ собою примѣръ не для всѣхъ достижимый. И гдѣ же эта жизнь? гдѣ проявленіе ея: неутомимое бодрствованіе для блага гражданскаго общества, васъ самихъ? — Она сокрыта въ нѣдрахъ гроба.

Давно ли святилище правосудія земнаго видѣло въ немъ своего представителя, было оглашаемо его руководственными рѣчами? И вотъ онъ предъ нами неподвиженъ, бездыханенъ. И если столы его куда нибудь направлены теперь, то это въ святилище правосудія Божественнаго для принесенія Всевышнему въ прожитой жизни отчета.

Давно-ли наконецъ многіе изъ насъ видѣли въ немъ защитника своихъ правъ, рѣшителя своихъ дѣлъ, нелицемѣрнаго воздаятеля по законамъ? То и другое скрыто теперь отъ насъ, подернуто завѣсою смерти.

Давно-ли, говоримъ, все это было и что же теперь? — Гробъ, смерть, тлѣніе, разрушеніе..

Супруга желала бы до самой смерти не разставаться съ своимъ супругомъ, послужить ему, — незабвенному—своею нѣжною заботливостію и предупредительностію, дѣлать съ нимъ и радость и горе; сынъ и дочь—жить подъ покровомъ любвеобильнаго отца; всѣ мы желали бы видѣть его между нами, но положенъ предѣлъ нашимъ желаніямъ. Надежды наши разрушены дыханіемъ смерти...

Что же это, слуш?... Какъ объяснить видимыя противорѣчія въ природѣ человѣка, въ окружающемъ мірѣ? То—сіяніе жизни во всемъ ея блескѣ,—то разрушеніе и тлѣніе во всемъ грозномъ, ужасающемъ насъ видѣ. То—гармонія въ сочетаніи силъ, движеній и дѣйствій человѣка, то—мрачная и скорбная неподвижность, непонятная тупость въ внѣшнемъ проявленіи жизненности этихъ силъ.

Да, слуш., естественный нашъ умъ запутался бы, при рѣшеніи этихъ вопросовъ, въ лабиринтъ догадокъ и предположеній, если бы не просвѣщало насъ таинство вѣры, не вводило насъ въ святилище откровенія Божественнаго, не окрыляло бы насъ надеждою на новую и лучшую участь по смерти, не согрѣвало насъ любовію Отца небеснаго, желающаго блаженства, а не безвозвратной гибели вѣнца Юго твореній... Смерть!... Имя ея ужасно для всѣхъ насъ; а что же дальше?— Жизнь... и какая!—нетлѣнная, безсмертная, вѣчная, славная для всѣхъ любящихъ Бога. *Подобаетъ бо, говорить Божественное откровеніе, тлѣнному сему облещиса въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещиса въ безсмертіе* (1 Кор. 15. 53). Т. е. мы существуемъ во времени, несемъ бремя нашей грѣховной жизни для того, чтобы смертію, какъ казнію за грѣхи, омыть наши неправды; умремъ, тѣло наше ислѣбуетъ въ землѣ, чтобы ожить по дивному могуществу Божественному возникъ:

путь изъ праха для новой, блаженной, нескончаемой жизни.

А потому, при видѣ этого гроба безутѣшно-ли скорбѣть намъ о томъ, что жизнь почившаго смѣнилась тлѣніемъ его тѣла; предполагать-ли разрушеніе тѣлеснаго состава чѣмъ-то гибельнымъ и страшнымъ? Не слѣдуетъ-ли напротивъ смотрѣть на него, какъ на мудрое и благодѣтельное дѣйствіе промысла Божественнаго? Сами сознайтесь, что въ духовномъ мірѣ, въ которомъ предназначено намъ жить вѣчно, не лзя обитать съ этимъ чувственнымъ тѣломъ, а безъ тѣла мы не были бы людьми. Что же измыслилъ премудрый и преблагій Творецъ? Онъ опредѣлилъ, чтобы тѣло полагалось въ землю, какъ въ горнило и, очистившись въ немъ посредствомъ тлѣнія и чрезъ другіе таинственные процессы отъ всего грубаго и плотскаго, осталось только съ тѣмъ, что въ немъ, какъ во всякой вещи, есть болѣе тонкаго и духовнаго, и такимъ образомъ навѣки сдѣлалось приличнымъ, не ветшающимъ покровомъ бессмертной души человѣческой. Эго не наша мысль, но мысль Апостола, который говоритъ, что наше тѣло, какъ зерно, сѣется въ землю тлѣющимъ, немощнымъ и душевнымъ, а возстанетъ изъ нее нетлѣннымъ, сильнымъ и духовнымъ (Кор. 15. 36—44). Если же тѣло подлежащаго намъ усопшаго преобразится нѣкогда въ прекрасное, духовное, разрушится только для дивнаго возсозданія, то эта вѣра въ возможность такой перемѣны не утѣшительна-ли для насъ—слушатели—христіане?..

Но тогда какъ Божественное откровеніе проливаетъ лучъ утѣшенія въ скорбное сердце наше, немощный духъ нашъ все-таки не можетъ достаточно успокоиться и смотреть на подлежащій гробъ болѣе съ печалію, чѣмъ съ радостію. Мы никакъ не можемъ помириться съ мыслию, что усопшаго нѣтъ уже болѣе въ этомъ мірѣ. Но для чего бы намъ хотѣлось, чтобы онъ былъ съ нами? Для счастья его? Но можетъ-ли быть истинное счастье въ этомъ мірѣ, который справедливо на-

зывается юдолюю плачевною. Сознайтесь—счастливы ли вы? Спросите другихъ—счастливы ли они? Ахъ, едва ли кто назоветъ себя блаженнымъ, а вѣроятно скажетъ, что многого не достаетъ ему для полного благоденствія. И что бы ^{III}предлежало усопшему—маститому старцу?—Трудъ и болѣзнь, по слову премудраго. А развѣ можно сожалѣть, что онъ успокоился, сошелъ съ жизненнаго пути, достигнувъ во всѣхъ отношеніяхъ полной зрѣлости?... Но можетъ быть, не видя его между нами мы жалѣемъ самихъ себя? Но гдѣ же его душа?—Въ мірѣ духовномъ. Гдѣ же этотъ міръ? Какъ область духовъ сотворенныхъ, онъ, безъ сомнѣнія, долженъ составлять часть того же міра Божія, въ которомъ и мы съ вами обитаемъ. Но, положимъ, что душа усопшаго теперь въ горнихъ странахъ міра отъ насъ весьма отдаленныхъ; для нее, какъ для духа, всякое разстояніе должно быть очень близкимъ. Если душа, находясь въ этомъ грубомъ тѣлѣ, въ одно мгновеніе переносится мыслию повсюду, то не болѣе ли это возможно для ней тогда, какъ сбросить съ себя тѣло и будетъ духомъ, почти столь же безтѣлеснымъ, легкимъ и быстрымъ, какъ мысль? А посему не можетъ ли, не должна ли быть тогда особенно присуща она друзьямъ и кровнымъ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, влечетъ ее любовь, та святая любовь, которая, по слову Апостола, *никогда не отпадаетъ* (1 Кор. 13. 8). По всей вѣроятности, душа усопшаго, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, часто бываетъ среди насъ. Этого хотя мы и не замѣчаемъ, но мысленно мы всегда можемъ созерцать ее; а размышляя о ней, о настоящемъ состояніи ея въ томъ мірѣ, въ который она теперь переселилась, мы навываемъ горняя мудрствовать, а не земная, живо почувствуемъ ничтожность и суетность всего земнаго и, безъ сомнѣнія, будемъ желать лучшаго, небеснаго. Видите, какія высокія мысли, чувствованія и желанія можетъ возбуждать въ насъ духовный взглядъ на усопшаго! Слѣдуя

ихъ внушенію, вы сдѣлаетесь достойными обитать въ сонмѣ блаженныхъ небожителей, въ которомъ, вѣроятно, теперь ликуетъ душа усопшаго.

И такъ умѣримъ свои вздохи и рыданія, которыя не только въ живыхъ, но вѣроятно, и въ усопшихъ. производятъ болѣзненное чувство состраданія. Если мы, по душевному сочувствію, принимаемъ живое участіе въ своихъ друзьяхъ и кровныхъ, то почему не могутъ его имѣть души усопшихъ? развѣ онѣ не такія же души, какъ и наши? Если мы, находясь вдалекѣ отъ своихъ друзей и кровныхъ, можемъ узнавать о ихъ положеніи чрезъ вѣстниковъ и другимъ образомъ; то почему не допустить, что и души усопшихъ, гдѣ бы онѣ ни находились, могутъ получать подробныя свѣдѣнія отъ ангеловъ Божіихъ, посылаемыхъ на землю за желающихъ наследовати спасеніе, (Евр. 1. 14.) или отъ самаго вездѣсущаго Бога, въ руцѣ Котораго души праведныхъ? (Ис. 3. 1.) Богачъ, упоминаемый въ Евангеліи, находясь даже въ адѣ, зналъ о худой жизни земныхъ братьевъ своихъ и сожалѣлъ о нихъ (Лук. 16. 27, 28). Если мы, безъ всякой сторонней помощи, по одному тайному общенію душъ, ощущаемъ скорбь и радость отсутствующихъ друзей нашихъ, то не болѣе-ли это возможно для душъ, сбросившихъ съ себя тѣлесную оболочку, стѣснявшую ихъ силы и препятствовавшую имъ имѣть непосредственное вліяніе одной на другую? Вѣроятно, онѣ лучше насъ знаютъ состояніе земныхъ друзей и присныхъ, чувствуютъ большее состраданіе по своей любви къ нимъ, которая въ духовномъ мірѣ, какъ въ царствѣ любви, не только не уничтожается, а еще болѣе увеличивается. И такъ, повторяю, умѣримъ наши скорби: для насъ самихъ онѣ вредны, а для усопшаго неприяты.

Не скорби же слишкомъ много, сѣтующая супруга, и не скорби изъ уваженія той же любви, ради которой печаль помрачила твою душу. Ваши обѣты супружества сохранены свя-

то. Ты раздѣляла съ почившимъ твоимъ другомъ все пріятное и непріятное. Твой другъ теперь на небесахъ и ты излишнюю печалію не нарушай его спокойствія, горечію слезъ не нарушай его блаженства. Сохрани залогъ тебѣ вѣренный—твоихъ дѣтей, хотя и достигшихъ зрѣлаго возраста, живущихъ самостоятельною, независимою жизнію, но преданныхъ тебѣ всею душею и ради этой преданности готовыхъ внимать каждому твоему слову, каждому совѣту. Духъ почившаго твоего супруга утѣшится твоею любовію къ нимъ. Онь своими молитвами къ Отцу небесному будетъ тебѣ содѣйствовать въ многотрудномъ подвигѣ несенія креста, на тебя возложеннаго.

Не скорбите и вы—любезные усопшему дѣти. Вамъ оставлено прекрасное сокровище—благословеніе отца, какъ залогъ вашего благоденствія; оставленъ примѣръ лучшей христіанской жизни. Послѣдуйте ему. Оживите въ себѣ духъ нѣжнаго отца; и—онъ съ небесъ благословитъ васъ, будетъ молиться за васъ, Сохраните вѣчную память о немъ, дабы честное и доброе имя вашего отца, которое составляетъ вашу гордость и славу, перешло къ вашимъ дѣтямъ и внукамъ въ назиданіе имъ.

Воздадимъ, всѣ предстоящіе гробу, послѣднее цѣлованіе умершему, благодаряще Бога, что Онъ, воздвигнувъ предъ лицомъ нашимъ человѣка по сердцу Себѣ, вложилъ въ наши души упованіе на полученіе блаженной участи. Вѣруя, что онъ увидетъ въ радость Господа своего, помолимся, да и свѣтильники наши, до дня Господня, будутъ горящими, души и сердца наши чающіи пришествія его.

Мы разлучаемся съ близкими нашему сердцу, но пройдетъ нѣсколько лѣтъ разлуки, и разлученные, если по вѣрѣ и дѣламъ достойны будутъ, опять соединятся въ свѣтлыхъ обитателяхъ Отца небеснаго. соединятся съ тѣмъ, чтобы никогда уже разлучаться. Долгъ взаимный: мы провожаемъ, а они

срѣтать насъ Горько провожать, но какъ сладко быть срѣтаемымъ! Одного пужно желать, объ одномъ заботиться, чтобы встрѣча эта была не на укоризну намъ, а на радость.

Миръ праху твоему, почившій о Господѣ! Гряди въ мѣсто вѣчнаго упокоенія, покойся тамъ до свиданія съ нами въ утро невечеряго дня! Гряди, нанутствуемый молитвами церкви, ея таинствами, благословеніемъ Архипастырскимъ, благожсланіями и доброю памятью во вѣки всѣхъ присныхъ и знаемыхъ. Аминь.

Свящ. Екатеринин. церкви *Алексій Журавлевъ.*

Н Е К Р О Л О Г Ъ

ТАЙНАГО СОВѢТНИКА ПАВЛА ДМИТРИЕВИЧА ПУЗЫРЕВСКАГО-ПУЗАНЪ.

Тайный Совѣтникъ П. Д. Пузыревскій-Пузанъ, происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи, родился въ 1799 г. и скончался 9 марта 1878 г., т. е. на 79 году отъ роду; воспитаніе онъ получилъ домашнее и началъ свою службу въ 1818 г., поступилъ прапорщикомъ въ пѣхотный Бѣлозерскій полкъ, съ которымъ въ 1814¹⁵ годахъ совершилъ походъ во Францію. Въ 1825 году, состоя адъютантомъ командира 2-й бригады 5 дивизіи, въ чинѣ штабсъ-капитана, награжденъ орденомъ Св. Анны 4-й степени. Въ 1828 г. домашнія обстоятельства заставили его оставить военную службу и поселиться въ своемъ имѣніи въ Грязовецкомъ уѣздѣ. Спустя 11 лѣтъ П. Д. снова отдался служебной дѣятельности, но уже по гражданскому вѣдомству, опредѣлившись чиновникомъ особыхъ порученій Губернатора, и переименовался въ соотвѣтственный гражданскій чинъ. Въ 1844 г. онъ былъ избранъ дворянствомъ въ засѣдателя Гражданской Палаты, а въ 1850 году—въ предсѣдателя той же Палаты и затѣмъ еще два раза былъ избираемъ на

эту должность, а именно: въ 1857 и въ 1863 годахъ. Дослуживъ, такимъ образомъ, до 1867 года, въ которомъ Палата Гражданская соединена съ Уголовной, П. Д., по опредѣленію отъ Правительства, назначенъ былъ предсѣдателемъ соединенной Палаты и занималъ эту должность до преобразованія судебныхныхъ учрежденій, послѣдовавшаго въ нашей губерніи въ концѣ 1873 года. Во время этого періода службы П. Д. удостоился полученія многихъ наградъ, а именно: въ 1852 г. Св. Анны 3-й степени, въ 1856 году Станислава 2-й степени, въ 1858 г. — того же ордена съ Императорскою короною, въ 1861 г. ему объявлено особое Высочайшее благоволеніе за полезное содѣйствіе въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостнаго права, а въ 1861 онъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени, въ 1863 г. — орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, а въ слѣдующемъ году произведенъ за отличіе въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, въ 1868 награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-й степени, а въ 1873 г. также за отличіе — чиномъ Тайнаго Совѣтника. Въ концѣ этого года П. Д. оставилъ службу, послѣ прослуженія въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ 49 лѣтъ.

Исчисленныя выше награды достаточно свидѣтельствуютъ о той пользѣ, которую приносили П. Д. государственной службѣ и потому мы считаемъ излишнимъ распространяться объ этомъ. Намъ остается только сказать, что рѣдкое безпристрастіе и стойкость убѣжденій, которыми онъ отличался вовсе время служенія по судебному вѣдомству, свѣтлый взглядъ и глубокое знаніе юридическаго права снискали ему всеобщее уваженіе, какъ въ средѣ дворянства, четыре раза доказавшаго то выборомъ его на судебныя должности, такъ и между всѣми его сослуживцами и частными лицами, имѣвшими къ нему какія либо отношенія по дѣламъ и нерѣдко прибѣгавшими къ нему за совѣтами. Это общее расположеніе къ П. Д., при жизни

его было засвидѣтельствовано даннѣмъ въ честь его въ 1873 г. всѣми сословіями обѣдею, на которомъ одинъ изъ присутствующихъ выразилъ, что П. Д. такъ высоко стоялъ въ общественномъ мнѣніи, что вологжане будутъ ставить его въ примѣръ своимъ дѣтямъ. Послѣ же кончины П. Д., искреннее общественное уваженіе къ нему подтверждено присутствіемъ на его похоронахъ всѣхъ высшихъ чиновъ и многочисленнымъ стеченіемъ жителей г. Вологды, всѣхъ состояній и классовъ, а также—телеграммою находящихся въ С.-Петербургѣ вологжанъ, которою они, по полученіи извѣстія о смерти П. Д., поспѣшили заявить его вдовѣ свою глубокую скорбь, по случаю утраты любимаго согражданина.

РАЗНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Продолженіе пожертвованій въ Попечительство о бѣдныхъ воспитанникахъ Волог. дух. семинаріи. (*)

Сего Мая 11 дня получено отъ Его Преосвященства Преосвященнѣйшаго Павла, Епископа Псковскаго и Порховскаго, сто рублей, при слѣдующемъ письмѣ на имя о. ректора Волог. Семинаріи:

«Ваше Высокопреподобіе, Отецъ Ректоръ, Милостивый Государь! Съ сочувствіемъ принимая приглашеніе Ваше отъ 13 Апрѣля 1878 г. № 46, и отъ всей души призывая благословеніе Божіе на Вологодскую духовную семинарію и на открывшееся Попечительство о бѣдныхъ ея воспитанникахъ, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, принять отъ меня прилагаемые при семъ *сто рублей* въ пользу бѣдныхъ воспитанниковъ, вспомошествоваемыхъ Вашимъ Попечительствомъ.—Господь да поможетъ Вамъ въ нелегкомъ Вашемъ дѣлѣ.»

Г. Псковъ.

Мая 4 дня,

1878 г. № 1611.

Въ собраніи членовъ Попечительства 14 Мая, письмо и

(*) Начало въ №№ 5 и 8 Епарх. Вѣд. сего года.

жертва досточимаго Архипастыря встрѣчены были общео-душевленной радостію и тутъ же постановлено было украсить списокъ членовъ Почетнаго Членства новымъ дорогимъ именемъ Преосвященнѣйшаго Павла, Епископа Псковскаго, въ званіи Почетнаго Члена и затѣмъ признательнѣе благодарить Милостивѣйшаго Архипастыря.

О продажѣ старыхъ церковныхъ вещей.

— Въ «Моск. Епарх. Вѣд.» сдѣлано заявленіе о томъ, что по сельскимъ церквамъ развѣзжаютъ какія-то личности, которыя просятъ продать имъ имѣющіяся въ церковныхъ ризницахъ старыя и негодныя къ употребленію вещи, напимѣръ: худыя старыя галуны, худыя облаченія, обветшалыя съ облаченій кресты; конечно они покупаютъ только тѣ изъ этихъ вещей, которыя имѣютъ серебряную канитель, а мишурныя почти вовсе не берутъ, какъ ничего не стоящія. На какія нибудь сто или двѣсти рублей они покупаютъ товару покрайней мѣрѣ на двѣ тысячи. Чтобы церковныя старосты и священники не поддавались обману этихъ проходимцевъ, въ «Вѣдомостяхъ» приблизительно обозначается цѣна церковныхъ вещей старыхъ, изношенныхъ, изломанныхъ и негодныхъ къ употребленію.

Мѣдныя панисадила, подсвѣчники и прочія мѣдныя вещи, а также разбитыя колокола, при продажѣ въ ломъ стоятъ 8 р. пудъ или 20 к. фунтъ.

Мишурныя, то есть мѣдныя галуны, парча съ облаченій, кресты, звѣзды и пр., стоятъ 5 к. фунтъ или 2 р. пудъ.

Серебряныя галуны, парчи и пр., самыя плохіе стоятъ 5 коп. золотникъ или 4 р. 80 к. за фунтъ.

Хорошіе серебряныя галуны, парчи и пр. стоятъ 12, 15, 20 и 22 к. золотникъ.

Хорошіе галуны это значитъ, хотя старыя, но двухличневые, т. е. что серебряная канитель въ нихъ съ обѣихъ сторонъ и очень частая. Плохіе, когда канитель только съ лицевой стороны и неочень густая и частая.

Канитель золоченая дороже незолоченой—бѣлой, чѣмъ гуще позолота, тѣмъ дороже. Напимѣръ галуны, подобныя тѣмъ, что нашиваются у солдатъ унтеръ-офицеровъ на мундирахъ, когда изнасятся, то стоятъ 5, 9 и 10 к. золотникъ.

При этомъ надо замѣтить, что цѣна тутъ означена за золотникъ вѣсомъ, вмѣстѣ съ матеріею, нитками. А если просто продавать одно серебро выжигу, то оно стоитъ 39. 40 и 45 к. за золотникъ. Выжигать самимъ не слѣдуетъ, потому что это надо дѣлать умѣючи, иначе больше половины сгоритъ. Такая цѣна этому серебру потому, что серебро это самой высшей пробы, т. е. самое мягкое. Изъ серебра 84 пробы нельзя дѣлать канители: оно очень хрупко, жестко. Канитель дѣлается изъ чистаго серебра, т. е. 92, 94 и 96 пробы. Конечно, прежде чѣмъ продать разныя худыя и негодныя къ употребленію вещи, надо спросить разрѣшенія начальства.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

ВНОВЬ ОТКРЫТА

ИКОНОСТАСНЫХЪ ДѢЛЪ МАСТЕРСКАЯ

Павла Петровича К и ч и н а

въ 3-й части г. Вологды въ собственномъ домѣ,

бывшемъ Лощевыхъ-Резухиныхъ

С о д е р ж а н і е.

1) Поученіе при гробѣ Тайнаго Совѣтника Павла Дмитриевича Пузыревскаго—2) Некрологъ.—3) Разныя свѣдѣнія: Продолженіе пожертвованій въ Попечительство о бѣдныхъ воспитанникахъ Волог. дух. семинаріи.— О продажѣ старыхъ церковныхъ вещей.—4) Объявленіе.

Редакторъ *Николай Суворовъ.*

Дозволено цензурою. Мая 14 дня, 1878 г. Вологда
Въ типографіи Губернскаго Правленія.